

Киев и Петербург в художественном мире Жакова К. Ф.

Лисовская Г. К.

ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
Lisovskaya1330@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрен автобиографический роман Жакова К. Ф. «Сквозь строй жизни» с точки зрения культурного ландшафта, где специфическая роль отводится топонимическому субстрату. Топонимы в произведениях писателей имеют разную степень значимости. У Жакова К. Ф. в его книгах они выполняют одну из главных ролей. Это связано с поэтикой его произведений, в которых географическая среда выступает как самостоятельный герой и определяет весь строй и сюжетную линию произведений. Их действие напрямую зависит от пространственных передвижений героя. Так, роман «Сквозь строй жизни» (1912–1914) – это книга пути, книга странствий, где топонимы являются базовыми концептами, задающими координатами жизни писателя.

В связи с этим возникла необходимость многоаспектного изучения творчества коми писателя, которое способно стать основой для системного освоения литературной ономастики на стыке лингвистики и литературоведения. Материалом исследования стали топонимы городов Киев и Петербург, а также вся топонимическая лексика, связанная с ними в рассматриваемом произведении. Киев и Петербург – это два наиболее репрезентативных топонима автобиографического повествования Жакова К. Ф. Научная новизна исследования состоит в том, что в ней впервые произведен их семантико-культурологический анализ и представлено значение этих городов в биографии писателя. Показано, что эти топонимы несут не только номинативную функцию, но и информативную, экспрессивную, оценочную. Их анализ дает представление о значимости топонимов в качестве хранителей памяти, истории, национальной идентичности. Изучена многослойность городских пространств, выявлены места – палимпсесты Киевского топоса, которые несут «память» о своем прошлом, о смыслах, которые наложились друг на друга и сохраняют свое присутствие. На основании концепции связи культурного потенциала города с ландшафтом отражена оппозиция двух культурных столиц. Выявлено, что Киев и Петербург стали не просто географическими ориентирами странствий Жакова К. Ф., а судьбоносными символами, пронизывающими художественную ткань произведения.

Ключевые слова:

Жаков К. Ф., Киев, Петербург, культурный ландшафт, топонимика, места-палимпсесты, город концентрический, город эксцентрический

Kiev and St. Petersburg in the Fiction of K. F. Zhakov

Lisovskaya G. K.

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,
Syktyvkar
Lisovskaya1330@gmail.com

Abstract

The paper considers K. F. Zhakov's autobiographical novel «Through the Structure of Life» from the perspective of the cultural landscape, where the toponymic substratum plays a specific role. Toponyms in the works of writers have varying degrees of significance. In K. F. Zhakov's books, they play a key role. This is due to the poetics of his works, in which the geographical environment acts as an independent character, defining the entire structure and plotline of the works. Their action directly depends on the spatial movements of the hero. Thus, the novel «Through the Structure of Life» (1912–1914) is a book of journeys, a book of wanderings, where toponyms serve as fundamental concepts defining the coordinates of the writer's life.

This necessitated a multifaceted study of the Komi writer's work, which could form the basis for a systematic exploration of literary onomastics at the intersection of linguistics and literary studies. The study focused on the toponyms of the cities of Kiev and St. Petersburg, as well as all the toponymic vocabulary associated with them in the work under consideration. Kiev and St. Petersburg are the two most representative toponyms in K. F. Zhakov's autobiographical narrative. The scientific novelty of this study lies in the fact that for the first time their semantic and cultural analysis was carried out and the importance of these cities in the writer's biography was shown. It demonstrates that these toponyms have not only a nominative function, but also informative, expressive, and evaluative one. Their analysis provides insight into the significance of toponyms as guardians of memory, history, and national identity. The multilayered nature of urban spaces has been studied, revealing palimpsest sites of the Kievan topos that bear the «memory» of their past, of meanings that have overlapped and persisted. Based on the concept of the connection between the city's cultural potential and its landscape, the opposition between two cultural capitals has been revealed. It is revealed that Kiev and St. Petersburg became not simply geographical landmarks in K. F. Zhakov's travels, but fateful symbols permeating the artistic fabric of the work.

Keywords:

K. F. Zhakov, Kiev, St. Petersburg, cultural landscape, toponymy, palimpsest sites, concentric city, eccentric city

Особенная роль в создании К. Ф. Жаковым художественной картины мира принадлежит географическим наименованиям Севера [см. об этом: 1, с. 347–354]. Топонимия городов – это еще один срез его ономастики, тесно связанный с культурологической составляющей его творчества. В настоящее время сформирована обширная литература, связанная с городской топонимикой, решающей теоретические и практические вопросы городской урбанистики [2], топонимической политики в аспекте региональной и локальной идентичности [3–5] и др. Интерес к этой проблеме связан с тем, что топонимы играют ключевую роль в культурном ландшафте в качестве хранителей памяти, истории, национальной идентичности.

Цель данного исследования – анализ и сопоставление семантического наполнения топонимов Киев и Петербург, двух противоположных художественных пространств, сыгравших определяющую роль в биографии писателя, линии его жизни и творчества.

Тема Петербурга широко представлена в литературе, в современном литературоведении авторы большинства работ отталкиваются от «петербургского текста», разработанного И. М. Гревсом и Н. М. Анциферовым [6], а затем В. Н. Топоровым [7].

Этот топоним является одним из ключевых для русской литературы. Это не просто локализация места действия, это отдельный сложный мир, живущий по своим законам. Петербургский текст К. Ф. Жакова укладывается в общую семантику города, разработанную до него, но имеет и свое смысловое наполнение.

Еще В. Н. Топоров обратил внимание на то, что «почти все писатели петербургской темы (Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Достоевский) были писателями непетербуржцами» [8, с. 121]. К. Ф. Жаков пишет свой Петербургский текст, основываясь на личных впечатлениях о жизни в этом в городе. В августе 1890 г. произошло его первое посещение северной столицы. Вот как описывает писатель себя, оказавшегося в Петербурге: «...ватное пальто из желтого сукна... на ногах огромные сапоги, брюки коротенькие и на спине большой белый узел с книгами и бельем» [9, с. 154]. Его ощущения – любопытство и тайный трепет. Выходит из вокзала 24-летний глубокий провинциал, нелепый и восторженный, в смятении чувств. Бесчеловечность города (подавление человека) ощущается им сразу: «...душа моя была придавлена величием открывшейся картины». Это был фантастический, иллюзорный мир, пугающий его: «Какие-то дымчатые дворцы передо мной стояли длинными рядами» [там же].

Архитектура Петербурга давит на молодого человека: «Огромные каменные дома за каменными домами следовали непрерывно» [там же, с. 241]. Холодные улицы Петербурга, туманные набережные и строгая архитектура могут служить метафорой отчуждения, духовной пустоты. Город полон контрастов: «дымчатые дворцы» длинными рядами и «тесный угол», в котором поселился герой книги: «Тесна жизнь в Петербурге, хотя и домов много» [там же, с. 156]. Северная столица – город каменный, мертвый: «Здесь жизни нет, суета одна» [там же, с. 159]. И как вывод: «Давят жизнь человеческую большие города» [там же,

с. 243], «ни сил прежних моих не стало, ни жизнерадостности старой, и мой могучий организм поддался "влиянию разрушающего здоровье Петербурга"». «...Человека, долго жившего в Петербурге и занимающегося науками, сразу можно узнать по бледным щекам, безжизненным глазам и равнодушию к жизни» [там же, с. 305].

Символом призрачности Петербурга, его холодной красоты становится луна, которая «блистала над землей своей холодной красотой» и «вовсе не грела» одинокого героя, блуждающего по ночному Петербургу [там же, с. 161]. Находясь в большом городе, он «чувствовал себя заброшенным в темный холодный чулан» [там же, с. 192].

Историко-культурный феномен Петербурга не подчеркивается в романе. В нем минимум топографических характеристик: Невская сторона, Васильевский остров, Невский проспект, Петербургская сторона, Сампсониевский проспект, Выборгская сторона – это маркеры передвижения героя, не имеющие ни культурного, ни эмоционального значения для него.

Петербург для молодого человека – воплощение большого города с его суетой и многолюдием, это муравейник из неприкаянных, снующих туда-сюда людей: студенты, бедняки из ночлежного дома, рабочие: «Я был поражен жизнью Петербурга. Я видел тысячи рабочих, бедствующих, видел суету, непрерывное движение и во всем отсутствие ответственности и справедливости» [там же, с. 159], «К чему такая суетливая жизнь, какую ведут люди в Петербурге, вообще в больших городах» [там же, с. 161].

В русской литературе этот город традиционно несет амбивалентный смысл, сочетая притягательность и разрушительность. Петербург в романе К. Ф. Жакова воплощает разрыв между аристократизмом города и нищетой людей, стремящихся к социальному успеху. Не случайно писатель использует два названия города – Петербург как культурная столица России и Питер как город бедняков, обитателей ночлежных домов, рабочих, трактирщиков и т. д. «Я приехал в ваш Питер без денег, а поступлю учиться и человеком буду», – сказал он буфетчику в трактире. «Нет-с, – ответил буфетчик, – ни с чем приехал, ни с чем уедете» [там же, с. 154]. «Питер – бока вытер», – неслучайно эту поговорку вспомнила мещанка из Усть-Сысольска (рассказ К. Ф. Жакова «Агафья»), не солоно хлебавши вернувшаяся из Петербурга домой [10, с. 123].

В. Н. Топоров выделяет один из сквозных мотивов в литературе о столице империи – мотив несовместимости с Петербургом, за ним стоит нечто более общее и универсальное – «несовместимость этого города с мыслящим и чувствующим человеком, невозможность жизни в Петербурге» [7, с. 263]. Будучи в этом городе в первый раз, Жакова не покидало острое желание покинуть Петербург: «...петербургская жизнь показалась мне совершенно невыносимой: "Я жаждал духа и деревенской жизни"» [9, с. 162].

Город, абсолютно противоположный Петербургу в романе – Киев. Это город, семантический потенциал которого определил его противопоставленность северной столице в культурном, историческом значении и его роль в жизни писателя.

Если в контексте русской литературы сложилось противостояние Петербурга и Москвы: бездушный, неуютный Петербург и теплая душевная Москва [см. об этом: 7, с. 167], то противопоставленность Петербурга Киеву представлена лишь у Н. Гоголя в его наброске «1834». Он вопрошает: «Таинственный неизъяснимый 1834 год. Где означу я тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанных друг на друга гремящих улиц, кипящей меркантильности этой безобразной кучи мод, парадов, чиновников, диких северных ночей, блеску и низкой бесцветности? В моем ли прекрасном и древнем, обетованном Киеве, увенчанном многоплодными садами, опоясанном моим южным, прекрасным чудным небом, упоительными ночами, где гора усыпана кустарниками с своими как бы гармоническими обрывами и подмывающий ее мой чистый и быстрый мой Днепр» [цит. по: 11, с. 17]. В дальнейшем оппозиция Киева и Петербурга в литературе не была продолжена, так как «она исключала момент соперничества, как это происходит в паре Москва – Петербург», полагает И. Булкина [12, с. 98]. Очевидно, это связано с особым статусом Киева как величайшей святыни земли русской. И К. Ф. Жаков, ехав в Киев, прежде всего ожидал увидеть не реальное городское пространство, а пространство сакральное. В таких местах генерируется «историко-топографическое чувство, когда текущий миг прикладывается к прошлому и яркой искрой вспыхивают переживания угасшего былого» [13, с. 154].

Для К. Ф. Жакова имя – «Киев» уже изначально, еще до приезда в город, было наполнено тем, что, по мнению писателя, и составляет «язык в глубоком понимании этого слова – внутреннюю сторону – систему образов, ряд настроений, исторических переживаний» [14]. Этот топоним в романе по своему философскому наполнению соответствует тому, чем были для него и коми названия – «средоточие памяти и отражение ностальгии по прошлому, квинтэссенция, душа коми мира, выраженная в языке» [1, с. 349]. Вот почему обращение к Киеву обладает высокой степенью эмоциональной насыщенности – «О белый волшебный город» [9, с. 180], «Киев! Краса городов русских», «Но Киев! Слово священное для меня!» [там же, с. 181]. Экспрессивный заряд повторяющегося названия города отражает всю гамму чувств – ожиданий К. Ф. Жакова, впервые оказавшегося в Киеве. Он опирался в своих ощущениях на сложившийся «сверхтекст» этого города, представляя себе сюжеты из истории Древней Руси. Киев окутан священным ореолом, это «святой город, древняя колыбель "русскости"», сакральный город для православия. А. С. Хомяков связывал Киев с «непрерывностью традиции, идущей от основания Руси в Киеве, через крещение и христианизацию Руси» [цит. по: 15, с. 161]. Семантика топоса «Киев» определяется и современными исследователями как «духовная колыбель, славянское единство, начало русского монашества» [там же, с. 122].

Несмотря на то, что Жаков приехал в Киев для поступления в университет, вся его первая поездка в этот город напоминает паломническую поездку по святым местам, и текст соответствует паломническому канону. Так как путешествие к святому месту предполагает не познание,

а постижение со стороны путешественника, возвращение к собственным духовным истокам, первоначально перед нами не реальный, а воображаемый город, город детских мечтаний и эпических сказаний об Илье Муромце и других защитниках русской земли. Его передвижения в «стольном граде» – от святыни к святыне и поиск их от золотых ворот до Аскольдовой могилы и пещер, где спят древние инок.

Авторские рефлексии, наполненные особой эмоциональностью, – набор припоминаний исторических преданий. Перед его глазами проносятся сюжеты древнерусских летописей из «Повести временных лет», на берегу Днепра он воображает гибель киевских князей Аскольда и Дира от руки новгородского князя Олега.

Образ небесного города, который является вторым, или новым Иерусалимом, присутствовавший уже в «Слове о законе и благодати» митрополита Киевского Иллариона [см. об этом: 16, с. 63], рисует в воображении и герой книги: «Иерусалим, Иерусалим предо мною!» [9, с. 181]. Священный миф о Киеве, воображаемом новом божьем избраннике, свойственен всем паломникам. Так, А. С. Грибоедов 10 июня 1825 г. писал В. Ф. Одоевскому: «Сам я в древнем Киеве < ... > здесь пожил я с умершими. Владимир и Ярославна совершенно овладели моим воображением, за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение...» [цит. по: 17, с. 60]. Лишь постепенно К. Ф. Жаков увидел реальное пространство Киева: «Не вижу голубоглазых полян <...> выродились древние племена» [9, с. 182]. «Красив, что ни говори, но ничего нет древнего... Только одни золотые ворота остались от старого Киева. Город кишит промышленным людом». «Племя исполинов погибло в потоке времени» – главное разочарование путешественника [там же, с. 182, 183]. Однако киевская святость не только во впечатлениях паломника, коим ощущал себя Жаков в первое время. Киев как единый организм, если следовать традициям российского градоведения, включает в себя и историю, и архитектуру, и географию [6]. Актуальное значение топонима «Киев» у писателя и в совокупности представлений (мифов) о нем, и в той топографической реалистичности, которая отличает путешествие по городу, в многослойности образа Киева. Его пространство носит черты духовного и земного бытия, в контексте произведения – языческие, христианские пласты и любовно воспроизведенная современная топография Киева и его окрестностей.

В современной науке для обозначения городских пространств, включающих элементы разных эпох применяется термин «места – палимпсесты». Д. Мейнинг описал процесс формирования ландшафта как растянутый во времени, в связи с чем в ландшафте сохраняются следы его прошлых состояний. Метафорой культурного ландшафта становится термин «палимпсест», введенный в научный оборот этим ученым [18]. Культурный ландшафт как палимпсест включает в себя и утрату некоторых слоев, и акцентацию других, и их переосмысление [19]. Гуманистическая география предполагает специфическое понимание *места*, как того, что охватывается нашим вниманием, а затем и нашим отношением. Этот тезис развивается в работах Р. Сэка [20], Мальпаса [21]. И-Фу Туан полагает, что создают идентичности не точечные географические места,

а культурные ландшафты [22]. Понимание мира и человека возможно путем изучения отношений человека и природы, «географического поведения людей, и их чувств, и идей в отношении пространства и места» [там же, с. 180].

В современных исследованиях городом – палимпсестом называется Петербург [23, с. 142–145], так как несколько раз менял названия в связи с историческими изменениями – стирая, упраздняя, наслаивая, впитывая различные значения и контексты. Киев же без смены названия обнаруживает разные исторические слои культуры в романе К. Ф. Жакова. Целостный образ Киева, киевский топос включает в себя и следы монгольского нашествия – гора Мамаева и как центр сакрализованного мира – памятник князю Владимиру, и древнейший Житомирский тракт, ведущий начало от Киевской Руси, и любимый Жаковым Бибиковский бульвар – названный в честь киевского генерала-губернатора Д. Г. Бибикова (1852–1855), заслуга которого в том, что при нем Киев стал по-настоящему русским, он ликвидировал следы польского влияния [см. об этом: 12]. «Рассматривая топонимическую систему в лингвокультурологическом аспекте, возможно выделить топонимы, в семантике которых на первый план выходит не только соотносительность с денотатом, но и этнокультурный компонент. Такие топонимы не только хранят и транслируют культурную информацию, но также играют важную роль в формировании национального и языкового сознания», – утверждает А. С. Гальцева [24, с. 11]. А. С. Хомяков, автор главного киевского текста второй половины XIX в. – стихотворения «Киев» (1839), писал: «Пора Киеву отзываться русским языком и русской жизнью» [цит. по: 12, с. 166]. В период посещения города Жаковым новая идентичность Киева как «красы городов русских» уже сложилась. Семантическая составляющая его топонимов раскрывает принадлежность к русскому дискурсу.

Образ города, его концепция строится не только на его культурном потенциале, но и на ландшафте. Именно природно-культурный синтез определил концепцию «петербургского текста», основанную на пространственной дихотомии города концентрического (Петербург) и эксцентрического (Москва) в статье Ю. М. Лотмана «Символика Петербурга и проблемы семиотики города» [25]. Это или город, имеющий концентрическое положение, как правило, это город на горе (или на горах). «Такой город выступает как посредник между землей и небом, вокруг него концентрируются мифы героического плана, он имеет начало, но не имеет конца – это "вечный город". Эксцентрический город расположен "на краю" культурного пространства на берегу моря, в устье реки. Здесь актуализируется не антитеза "земля" / "небо", а оппозиция "естественное" / "искусственное". Это город, созданный вопреки природе и находящийся в борьбе с ней, что дает возможности двойной интерпретации города как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенность естественного порядка – с другой. Вокруг этого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели...» [там же, с. 10–11].

В романе К. Ф. Жакова мы наблюдаем оппозицию через ландшафт по этому признаку не Петербурга и Москвы,

а Петербурга и Киева, вслед за Гоголем противопоставление мертвого, каменного («город каменный, мертвый»), тесного («тесный угол», «Тесна жизнь в Петербурге», – природному, вольному («далекие горизонты вдоль Житомирского тракта»). В пригороде Киева, в Мамаево, «дышал я впервые свободной грудью», – вспоминал Жаков [9, с. 187]. Киев – «белый волшебный город, стоящий на горах над синим Днепром, как орел на скале» [там же, с. 180]. Это пространство, где он «наслаждался берегами вольнотекущего Днепра... Глядел с парохода на колокольню Печорской лавры, которая поднимала крест свой к облакам... был поражаем каждый раз памятником Владимира, вечером блиставшим разными огнями...» [там же, с. 187]. Жаков пишет: «Нет, не хватит сил изобразить тебя, великий Киев, – ни твоих холмов, ни твоих монастырей, ни лесов сосновых, растущих пышно окрест тебя, как на севере далеком» [там же, с. 181]. Если Петербург – призречен, почти бесцветен, по определению Гоголя, то Киев полон красок – «светло-солнечный город», «белый» город, «синий Днепр, синие купола церквей».

«Долго плакал я о Киеве, казалось, что перевели меня из светлой горницы в темную половину избы» [там же, с. 181], – пишет Жаков, описывая свои ощущения после перевода в Петербургский университет.

Если Киев – историко-культурный – русский («краса городов русских»), то национально-поэтический ландшафт на окраинах города малорусский, украинский – «малорусские хаты, окруженные садами», «украинские вечера» и «украинские ночи, когда звезд так много в летнее время на небе...». «Как светло здесь, а девы так красивы, костюмы их так ярки» [там же].

Пребывание в Киеве для Жакова стало судьбоносным, этот город пробудил в нем поэтическое чувство своей светлой окрыляющей гармоничностью, дающей импульс к творчеству. «Опустились крылья мои на мглом севере, живи бы я на юге дольше, большими взмахами крыльев унёсся бы в кристальное небо поэзии» [там же, с. 183], – написал Жаков уже в Петербурге.

Этот город вдохновил его обратиться к художественному творчеству, собственным национальным корням. «О Киев, Киев! Лучшие годы мои, годы художественного подъема и веры в себя – зачем так быстро прошли вы?» [9, с. 187], – восклицал Жаков, покинув Киев. Своей глубинной укорененностью в далекое прошлое и прекрасной природой Киев заставил задуматься Жакова о дремучих лесах Севера и героях его, никем не воспетых, ждущих своего певца.

Семантика топоса Киев определяется через многослойность и непрерывность традиции, оказавшей влияние на формирование художественных интересов писателя, через обращение к национальным архетипам, формирующим его идентичность.

Жизнь Жакова – это путь странника, – бродя по Киеву «...снова не знал, где родина души моей, в чем мое призвание» [там же, с. 188]. Возвращение в Петербург – следующий ключевой этап жизни и духовного становления Жакова в его автобиографическом романе. В ономастике Петербурга этого периода его жизни – «комнатка у кух-

ни» на Васильевском острове, Петербургский университет и улица Покровская на петербургской стороне – место первого «семейного гнезда». «Жизнь в Киеве была раем по сравнению с этим», – пишет Жаков, вновь оказавшись в северной столице, «поэтическое покрывало, которым украшал я мир, исчезло в городе суеты, где нет ни природы, ни покоя. Я чувствовал себя заброшенным в темный холодный чулан, куда доходили вопли отчаянно борющихся людей, отнимающих друг у друга кусок хлеба» [там же, с. 192, 193].

Но именно в этом городе, в этот период своей жизни Жаков сформировался как ученый и писатель. Интеллектуальная среда Петербурга способствовала самореализации его как мыслителя. Посетив через 15 лет вновь Киев, он напишет: «Воздуха много, а свободы нет». Пути «искания самого себя» [там же, с. 250, 253] привели Жакова в город, где он нашел пространство для размышлений, где его внутренние конфликты обрели форму идей и стремлений к познанию истины. В отличие от созерцательного Киева, Петербург подталкивает писателя к активным действиям, часто ценой утраты внутренней гармонии, отчаяния. Его многогранная деятельность в Петербурге в итоге позволила оформиться духовным исканиям в четкую философскую систему.

Топонимы «Киев» и «Петербург» в романе К. Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» воплощают целую совокупность мифов, став не просто географическими ориентирами, а судьбоносными символами, пронизывающими художественную ткань произведения. Киев, укорененный в почве Древней Руси, предстает как символ национального духа, вдохновенных мечтаний, место силы, питающее героя в поиске гармонии. Петербург же – это арена боренья одинокого духа, город, где разум, устремленный к истине, ищет и находит свой путь к ней.

В художественной картине мира Жакова эти топонимы, будучи конкретными денотатами, обретают универсальный символический смысл. Киев формировал Жакова как поэта, наполняя его творчество национальным лиризмом, Петербург закалил его как мыслителя.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Лисовская, Г. К. Топонимы в системе мифопоэтики К. Ф. Жакова / Г. К. Лисовская // *Пермистика-19: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. ст.* – Сыктывкар: Коми респ. типография, 2023. – С. 347–354.
2. Разумов, Р. В. Русская урбанонимия и ее лексикографическое представление: проблемы и перспективы / Р. В. Разумов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice.* – 2023. – Т. 6, вып. 12. – С. 4166–4171.
3. Городская топонимия: современная политика и практика именования: монография / М. В. Голомидова, Р. В. Разумов, А. В. Дмитриева [и др.]; под ред.: М. В. Голомидовой, С. О. Горяева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 216 с.

4. Герцен, А. А. Северо-Восточное Причерноморье на старинных географических картах: эволюция топонимии / А. А. Герцен // *Псковский регионологический журнал.* – 2024. – Т. 20, № 2. – С. 130–148.
5. Васильев, В. Специфика топонимического субстрата на исторических землях Новгорода и Пскова / В. Васильев // *Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто.* Вып. XXXII. – М., 2025. – С. 32–35.
6. Колокольчикова, Р. С. Теоретико-методологические основы изучения города в трудах И. М. Гревса, Н. П. Анциферова, Н. К. Пиксанова / Р. С. Колокольчикова // *Вестник Череповецкого государственного университета.* – 2014. – № 6. – С. 24–26.
7. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб.: Искусство, 2003. – 616 с.
8. Топоров, В. Н. Текст города – девы и города – блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // *Исследования по структуре текста.* – М., 1987. – С. 121–122.
9. Жаков, К. Ф. Сквозь строй жизни / К. Ф. Жаков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. – 384 с.
10. Жаков, К. Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания / К. Ф. Жаков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. – 464 с.
11. Люсий, А. П. Дом, квартира, майдан. Киевский текст как логово логоса / А. П. Люсий // *Вопросы литературы.* – 2014. – Сент.-Окт. – С. 129–155.
12. Булкина, И. Киев в русской литературе первой трети XIX века: пространство историческое и литературное / И. Булкина. – Тарту, 2004. – 213 с.
13. Анциферов, Н. П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) 1918–1992 // Н. П. Анциферов; подг. к публ. и пред.: А. Свешникова, Б. Степанова // *Исследования по истории русской мысли: ежегодн.* – М.: Модест Колеров, 2000. – С. 107–162.
14. Центральный государственных архив Республики Коми. Ф. 945. Оп. 1. Ед. хр. 4.
15. Закурченко, А. Возвращение к смыслам. Старые и новые образы в культуре: опыт глубинного прочтения / А. Закурченко. – М.: Изд-во ББИ, 2014. – 289 с.
16. Сырцова, Е. Н. Философско-мировоззренческие коннотации поэтики «Слова о полку Игореве» / Е. Н. Сырцова // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 42–63.
17. Беляков, С. Тень Мазепы. Украинская нация в эпоху Гоголя / С. Беляков. – Электронная книга. Издатель АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2016.
18. Meining, D. W. Introduction // *The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays* / ed. by D. W. Meining. New York – Oxford: Oxford University Press, 1979. – P. 1–7.
19. Entrikin, J. N. The betweenness of place. Towards a geography of modernity. Hourdmills – L.: Mac Millan Education Ltd., 1991. – 315 p.
20. Sack, R. *Homo Geographicus.* Baltimore. Jon Hopkins University Press, 1997. – 292p.

21. Malpas, J. E. Place and Experience: A Philosophical Topography. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 256p.
22. Tuan, Yi-Fu Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers, 1976. – Vol. 66. – No 2. – P. 266–276.
23. Яник–Борецка, К. Места – палимпсесты Санкт-Петербурга и их названия / К. Яник–Борецка // Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. – 2022. – № 1 (2). – С. 142–156. DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)) – 142–156.
24. Гальцева, А. С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. С. Гальцева. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. горн. ин-т им. Г. В. Плеханова, 2010. – 207 с.
25. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 2. – С. 9–21.
7. Toporov, V. N. Peterburgskii text russkoi literatury [The Petersburg text of Russian Literature]: Selected Works / V. N. Toporov. – St. Petersburg: Artwork, 2003. – 616 p.
8. Toporov, V. N. Text goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskom aspekte [The text of the virgin town and the harlot town in the mythological aspect] / V. N. Toporov // Research on the structure of the text. – Moscow, 1987. – P. 121–122.
9. Zhakov, K. F. Skvoz' stroi zhizni [Through the structure of life] / K. F. Zhakov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1996. – 384 p.
10. Zhakov, K. F. Pod shum severnogo vetra. Rassказы, ocherki, skazki i predaniya [Under the noise of the northern wind. Short stories, essays, fairy tales and legends] / K. F. Zhakov. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1990. – 464 p.
11. Lyusyi, A. P. Dom, kvartira, maidan. Kievskii text kak logovo logosa [House, apartment, Maidan. The Kiev text as the lair of the logos] / A. P. Lyusyi // Questions of Literature. – 2014. – September–October. – P. 129–155.
12. Bulkina, I. Kiev v russkoi literature pervoi treti XIX veka: prostranstvo istoricheskoe i literaturnoe [Kiev in Russian literature of the first third of the XIX century: historical and literary space] / I. Bulkina. – Tartu, 2004. – 213 p.
13. Antsiferov, N. P. Istoricheskaya nauka kak odna iz form bor'by za vechnost' (Fragmenty) [Historical science as one of the forms of struggle for eternity (Fragments) 1918–1992] / N. P. Antsiferov ; Prepared for publ., preface by A. Sveshnikov, B. Stepanov // Studies on the history of Russian thought: annual. – Moscow: Modest Kolerov, 2000. – P. 107–162.
14. TsGA Respubliki Komi [Central State Archives of the Komi Republic]. F. 945. Op. 1. Storage unit 4.
15. Zakurenko, A. Vozvraschenie k smyslam. Starie i novie obrazy v culture: opyt glubinnogo prochteniya [Returning to the meanings. Old and new images in culture: the experience of in-depth reading] / A. Zakurenko. – Moscow: BBI Publishing House, 2014. – 289 p.
16. Syrtsova, E. N. Filosofsko-mirovozzrencheskie konnotatsii poetiki “Slova o polku Igoreve” [Philosophical and ideological connotations of poetics in «The Word about Igor's regiment»] / E. N. Syrtsova // «The Word about Igor's regiment» and the worldview of his era. – Kiev: Naukova dumka Publ., 1990. – P. 42–63.
17. Belyakov, S. Ten' Mazepy. Ukrainskaya naciya v epohu Gogolya [Mazepa's Shadow. The Ukrainian nation in the era of Gogol] / S. Belyakov. – E-book, 2016. AST publisher, Edited by Elena Shubina, 2016.
18. Meaning, D.W. Introduction // The Interpretation of Ordinary Landscapes: Geographical Essays / Ed. D.W. Meaning. – New York – Oxford: Oxford University Press, 1979. – P. 1–7.
19. Entrikin, J. N. The betweenness of place. Towards a geography of modernity. Hourd Mills – London: Mac Millan Education Ltd., 1991. – 315 p.
20. Sack, R. Homo Geographicus. Baltimore. – Jon Hopkins University Press, 1997. – 292 p.
21. Malpas, J. E. Place and Experience: A Philosophical Topography. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 256 p.

References

1. Lisovskaya, G. K. Toponimy v sisteme mifopoetiki K. F. Zhakova [Toponyms in K. F. Zhakov's system of mythopoetics] / G. K. Lisovskaya // Permistics 19: dialects and history of the Permian languages in interaction with other languages: collection of sci. papers. – Syktyvkar: Komi Republican Printing House, 2023. – P. 347–354.
2. Razumov, R. V. Russkaya urbanonimiya i ee lexicograficheskoe predstavlenie: problemy i perspektivy [Russian urbanonymy and its lexicographic representation: problems and prospects] / R. V. Razumov // Philological Sciences. Questions of theory and practice. Philology. Theory & Practice. – 2023. – Vol. 6. – Issue 12. – P. 4166–4171.
3. Gorodskaya toponimiya: sovremennaya politika i praktika imenovaniya [Urban toponymy: modern naming policy and practice]: monograph / M. V. Golomidova, R. V. Razumov, A. V. Dmitrieva [et al.]; Eds. M. V. Golomidova, S. O. Goryaev. – Ekaterinburg: Ural University Publ. House, 2023. – 216 p.
4. Herzen, A. A. Severo-Vostochnoe Prichernomor'ye na starinnykh geograficheskikh kartakh: evoluciya toponimii [The Northeastern Black Sea region on ancient geographical maps: the evolution of toponymy] / A. A. Herzen // Pskov Regionological J. – 2024. – Vol. 20. No. 2. – P. 130–148.
5. Vasilyev, V. Specifika toponimicheskogo substrata na istoricheskikh zemlyakh Novgoroda i Pskova [Specifics of the toponymic substrate on the historical lands of Novgorod and Pskov] / V. Vasilyev // Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. Readings in memory of Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences Vladimir Terentyevich Pashuto. Issue XXXII. – Moscow, 2025. – P. 32–35.
6. Kolokolchikova, R. S. Teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya goroda v trudakh I. M. Grevs, N. P. Antsiferova, N. K. Piksanova [Theoretical and methodological foundations of the study of the town in the works of I. M. Grevs, N. P. Antsiferov, N. K. Piksanov] / R. S. Kolokolchikova // Bull. of Cherepovets State University, 2014. – No. 6. – P. 24–26.

22. Tuan, Yi-Fu Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers, 1976. – Vol. 66. – No 2. – P. 266–276.
23. Yanik-Boretska, K. Mesta-palimpsesty Sankt-Peterburga i ih nazvaniya [Places – palimpsests of St. Petersburg and their names] / K. Yanik-Boretska // Urbis et Orbis. Microhistory and semiotics of the city, 2022. – № 1 (2). – P. 142–156. – DOI: [https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1\(2\)-142-156](https://doi.org/10.34680/urbis-2022-1(2)-142-156).
24. Galtseva, A. S. Lingvokulturologicheskii potencial peterburgskoi toponimii [The linguistic and cultural potential of St. Petersburg toponymy]: diss... Cand. Sci. (Philology): 10.02.01 / A. S. Galtseva. – St. Petersburg: G. V. Plekhanov St. Petersburg State Mining Institute, 2010. – 207 p.
25. Lotman, Yu. M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda [The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city] / Yu. M. Lotman // Lotman, Yu. M. Selected papers: in 3 vols. – Tallinn: Alexandra, 1992. – Vol. 2. – P. 9–21.

Благодарность (госзадание):

Работа подготовлена в рамках плановой темы «Художественный опыт коми литературы в социокультурном контексте (2026-2030 гг.)». FUUU-2026-0005.

Acknowledgements (state task):

The paper was prepared within the frames of the planned topic "Artistic experience of Komi literature in the socio-cultural context (2026-2030)". FUUU-2026-0005.

Информация об авторе:

Лисовская Галина Константиновна – научный сотрудник сектора литературоведения Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук; ORCID: 0000-0003-2846-765X, SPIN-код: 6095-9177 (167016, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: Lisovskaya1330@gmail.com).

Author:

Galina K. Lisovskaya – Researcher at the Literary Studies Department of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-2846-765X, SPIN-code 6095-9177 (26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar 167016, Russian Federation; e-mail: Lisovskaya 1330@gmail.com).

Для цитирования:

Лисовская, Г. К. Киев и Петербург в художественном мире Жакова К. Ф. / Г. К. Лисовская // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2026. – № 2 (87). – С. 106–112.

For citation:

Lisovskaya, G. K. Kiev and St. Petersburg in the Fiction of K. F. Zhakov / G. K. Lisovskaya // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2026. – No. 2 (87). – P. 106–112.

Дата поступления статьи: 25.12.2025

Прошла рецензирование: 09.03.2026

Принято решение о публикации: 20.03.2026

Received: 25.12.2025

Reviewed: 09.03.2026

Accepted: 20.03.2026